

«Трудно было представить, какой будет война»

Публикуемая ниже подборка воспоминаний извлечена из фондов Псковского областного Центра архивных документов партий и общественных движений и повествует о различных страницах Великой Отечественной войны - грозном июне 1941 г., партизанских буднях, деятельности партизанских госпиталей и др. Воспоминания написаны разными людьми, каждый из которых воспринимал и оценивал происходившие события по-своему, поэтому их впечатления обогащают знания о войне, сообщают факты, не зафиксированные официальными документами. Среди авторов - партизанские разведчики, политработники, медики; приводятся также тексты партизанских частушек, написанные редактором партизанской газеты И.В. Виноградовым.

Основные документы по истории Псковщины периода Великой Отечественной войны хранятся в Центрах архивных документов С.-Петербурга и Твери (бывшие архивы Ленинградского и Калининского обкомов партии), часть их публиковалась в сборнике «Непокоренная земля Псковская», выдержавшем три издания (1964, 1969, 1976 гг.). Многие воспоминания бывших партизан опубликованы в сборнике «Псковщина партизанская» (Л., 1979 и 1985), поэтому перед нами стояла задача отобрать то, что еще не было напечатано, а таковых материалов оказалось в фондах Центра немного.

Предлагаемые ниже воспоминания публикуются впервые, сохраняется их стиль, орфография и пунктуация.

№ 1

Воспоминания о начале войны партизанки-раз- ведчицы В.И. Кравченко

Город Великие Луки расположен в одном из красивейших мест на реке Ловати... Лето 1941 года выдалось хорошее. Много интересных мероприятий было намечено на летние месяцы. На 22 июня был назначен выезд за город в живописный Булынский лес.

Утро 22 июня ясное, солнечное, теплое, и мы, великолукские комсомольцы, спешили пораньше к Дому Советов, чтобы поскорее поехать за город повеселиться, отдохнуть. Многие комсомольцы взяли с собой музыкальные инструменты. Вот уже звучала гитара, где-то играли на баяне, и на утренней заре весело неслась задорная молодежная песня. Но когда мы подошли к зданию Дома Советов, то к нам вышел секретарь горкома партии Михаил Петрович Ермолович, и он,

всегда веселый, жизнерадостный, встретил нас озабоченным взглядом, что-то таилось в его душе. Он пригласил секретарей зайти к нему в кабинет. Не успели занять предложенные нам места, как радио сообщило: война! Трудно передать все наши думы в эти минуты. Но когда кончил диктор, то Михаил Петрович поставил перед нами другие задачи. Многие пошли работать в горвоенкомат, другие оставались в горкоме, третьи шли в свои организации. Меня оставили дежурить в горкоме партии. И вот такое радостное утро сменилось страшным известием. А уже через несколько часов я видела, как провожали родители своих сыновей, дети - отцов.

Вместо выезда, я работала до двух часов ночи 23 июня и совершенно не хотелось отдыхать. Но очень трудно было представить, какой будет война. События разворачивались так быстро, что уже 26 июня на Великие Луки была сброшена первая фашистская бомба, и упала она во двор нашей 18 школы. Она как бы известила о страшном вражеском разрушении, которое может принести война...

(ПОЦАДПОД Ф.9952, Оп.2, д.35, л.9, 10)

№ 2

**Из воспоминаний
партизанки-разведчицы
А.Д. Дмитриевой (1947 г.)**

Когда началась война, я находилась в городе Пскове, кончала псковский учительский институт. По окончании института, я некоторое время работала на оборонительных работах под Псковом, потом, когда вернулась с оборонительных работ, меня вместе с группой комсомольцев в количестве двенадцати человек, послали работать в госпиталь, который находился в Пскове. Вскоре госпиталь эвакуировался. Нас отпустили, и в тот же вечер мы эвакуировались.

Ехала не знаю куда. Доехала я до Ярославля, а здесь решила: зачем мне ехать куда-то, я вернусь в Псков, буду работать. Я и еще две девушки поехали обратно, доехали до Старой Руссы. Здесь нас предупредили, что Псков и Порхов уже оккупированы немецкими войсками. Я поехала в Боровичи, в село Мошенское, так как здесь была одна из студенток, с которой я работала раньше. В Ленинград попасть было трудно; ехать в другую область? - у меня не было знакомых, и я решила ехать в Боровичи. Население, которое эвакуировалось из Пскова, все направлялось в район Боровичей... Это был июль 1941 г.

(ПОЦАДПОД Ф.9952, Оп.2, д.1, л.6, 5)

№ 3

**Воспоминания о начале
войны В.И. Терехова - комиссара 2-й Особой партизанской бригады Северо-Западного фронта.**

21 июня 1941 г. я был готов выехать за семьей, которая оставалась в местечке Раудоняй вблизи границы с Восточной Пруссией. Выезд назначен был на 4 часа утра 22 июня. Машина сто-

яла во дворе дома, где была и моя квартира...

Ровно в 3 часа 22 июня резкий телефонный звонок разбудил нас всех. Звонит Деревянко.

- Ну Ильич, дома еще?

- Да, тов. полковник.

- Немедленно приезжайте ко мне!

- Есть, тов. полковник.

Прежде всего, я понял, что началась война. Причина этому была основательна. 21.06.41г. во второй половине дня местная ПВО г. Риги под знаком учений провела в городе светомаскировку (на ночь с 21 на 22 июня). С наступлением ночи город был погружен во мрак, движение по городу было ограничено. Город словно замер. Редко сновали автоматчики, редко в спешке проходили люди, занятые тревогой. Штаб военного округа работал напряженно в ожидании начала войны.

В 3 часа 30 минут 22.06.41. я был у тов. Деревянко, последний сообщил кратко.

- Вот телефон. Звони на квартиру своей семье. Указания телефонистке даны. Машину держи у себя, не отпускай. Разреши шоферам, таксистам 2 часа на сборы, они мобилизованы. Узнаешь обстановку - выедешь. Жене сообщи, что выезжаешь за ней. Мой привет ей.

- Есть, тов. полковник!

Деревянко вышел, через полчаса вернулся.

- Ну дружище, началось! Омерзительная война навязана гитлеровцами. Противный человечеству фашизм вторгся теперь и в нашу родину. Наши силы во много раз слабее, а гитлеровцы, зная свое превосходство, надеются на успех и свою победу. Ну это мы еще посмотрим! С семьей переговорил?

- Нет, тов. полковник, жду.

Но желаемое не свершилось. К 8 часам утра 22.06.41. фашистские войска продвинулись на нашу территорию на 12 км. Дороги из Раудоняй Лит. ССР были отрезаны, связь дальше Каунаса была повреждена.

Неизвестность о семье оставалась неизвестностью... Вечером в 23 часа 22.06.41 полковник т. Сычаво сообщил мне, что все семьи офицеров эвакуированы из гарнизона Раудони...

В кабинет вернулся т. Деревянко.

- Ну, Ильич, теперь к делу. От генштаба получена телеграмма в 4 часа 30 минут, в ней говорится: «В течение 22-23.06.41 возможно внезапное нападение немцев. Задача наших войск не поддаваться ни на какие провокации, могущие вызвать крупные осложнения, одновременно войскам быть в полной боевой готовности и встретить внезапный удар немцев».

Деревянко, недоумевая протянул:

- Да, дела. Вот какие дела. Генштаб подтвердил свою директиву, ранее полученную нами, и никаких следов о том, что война началась. Все мы еще верим, что это не начало войны, а провокация. Какая наша беспечность, мы верим, что войны еще не будет!

- Тов. полковник, а рядовые офицеры, не исключая и себя, верили, что война неизбежна и скоро. Только эти думы наши приглушались силой власти.

В 6 часов 22.06.41 г. округ получил телеграмму из Москвы. Она была краткой и определенной: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массированных военных действий приказываю поднять войска и действовать по-боевому». Деревянко думал вслух: «Ну вот, теперь все убеждены, что война началась».

(ПОЦАДПОД Ф.9952, Оп.2, д.38, л.8, 9)

№ 4

Воспоминания о начале войны Д.А. Дербина

22.06.41 г. В Ленинграде на сессии заочников в Пединституте им. Герцена. День не рабочий. Сходил в баню. Удивляет немного дежурство дворников и команд ПВХО с противогАЗами. Приказа об учениях по противОВОЗдушНОЙ обороне не было слышно. По-

шел в сберкаССу на улице Плеханова взять деньги на текущие расходы. Там очередь. Кассир говорит: «Начались военные действия, вот и пошли все за деньгами». Подумал про себя: «Маневры называют военными действиями». Прихожу на Невский. У Казанского собора большие толпы людей. Слышу объявление о выступлении тов. Молотова. Узнаю о нападении фашистской Германии. Все ясно. Иду на телеграф - даю телеграмму Орлову, спрашиваю - выезжать ли? (Орлов - I секретарь Порховского РК ВКП (б)). Рано пришел в общежитие. На всякий случай заказал билет на поезд. Вечером уже всерьез маскируют свет на против нашего общежития на фабрике им. Володарского (швейная). У нас совсем выключен свет. Ночи белые, светло. Лежу, разговариваю со студентами из гор. Дно. Вдруг завывли сирены воздушной тревоги. Где-то вдали слышен гул самолета. Всканиваем, одеваемся и сидим на кроватях. Слышна стрельба зениток. Вскоре дали отбой. Но мы долго не спим. Передают Указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации и об объявлении военного положения. Заснули немного на рассвете.

23.06.41. Днем поехал в Смольный. Поговорил с работниками отдела пропаганды и агитации. Встретил Дубровскую (инструктор обкома). Она также огорчена, что ее заочная учеба в университете прерывается. Решил не ожидая ответа от Орлова - ехать в Порхов...

Вечером выехал в Порхов...

(ПОЦАДПОД Ф.9952, Оп.2, д.2, л.4, 5)

№ 5

Воспоминания В.И. Гилева - хирурга 3-й Ленинградской партизанской бригады.

В мае месяце 1943 года я был вызван в Штаб Северо-Западного фронта, в санитарное управление. Я явился по вызову. Меня встретил врач Константинов... Он говорит:

- Есть такое указание, что вам нужно будет явиться в Валдай в штаб партизанского движения.

- Зачем?

- Вас направят в немецкий тыл для работы с партизанами...

Я приехал в город Валдай. Добрался 21 июня...

27 июня получаю полностью хирургический инструмент от начальника медицинской части, получаю обмундирование и поехал на аэродром Едрово. Мы полетели и меня спустили в районе Славковичи.

Я приехал в деревню, пришел доложить командиру партизанской бригады Герману. Начальником штаба там был Крылов, комиссар - Исаев, начальником политотдела - Воскресенский.

Герман мне сказал:

- Мы вас ждем давно, работы много, прошу вас приступить к работе.

Раненых было очень много, лежали они в сарае... Эвакуировать их не всегда можно было, погода была неблагоприятная.

Не успел я приступить к работе, стали подходить немцы, нам пришлось срочно отступить. Мы перекочевали в следующую деревню Новоржевского района, передвигались мы вместе со всеми ранеными. Раненых мы возили таким образом. Если ранение в малую берцовую или в большую берцовую кость, или в стопу, то такие раненые двигались сами. Если ранение, допустим, в бедро, с переломом, то такой больной ехал верхом на лошади, особым образом связывались палки, делался настил, на котором и лежит больной. Если ранение в живот, в череп, то таких больных везли на телегах, на двуколках, которые называются «беда». В такую тележку помещается кучер и два раненых. Так мы перебирались.

Самые тяжелые раненые оставались в лесу. Дадим мы им немного хлеба, дадим бинт и говорим, что сейчас вас взять с собой не можем, при ближайшей возможности пришлем за вами работника, оставляли с ними зачистую

санитара. Бывали случаи, когда и раненых и санитаров при нападении уничтожали немцы.

Мы расположились в деревне Поджиги. Я пришел к тов. Герману и говорю, что нужно организовать госпиталь, нужно собрать всех раненых. Он говорит, что в наших условиях организовать госпиталь невозможно...

Однако был издан приказ - организовать госпиталь. Он был организован. В госпитале находилось до пяти-сот раненых партизан.

Как мы все это организовали? В первую очередь нам надо было набрать персонал, нужно было приготовить материал. Не было операционного стола, приходилось в лесу на земле настилать ветки или на крестьянских столах делать операции...

Спустя несколько времени мы из шелкового парашюта сделали операционную палатку с двумя тамбурами - в один заносят больных, во второй выносят. В палатке сделали окна, которые совмещали с окнами избы. Внутри палатки ставили раскладной операционный стол. Когда операция кончалась, и палатку, и стол свертывали.

Каждый день были бои, каждый день прибывали новые раненые. Количество операций доходило до девятнадцати, делали операции буквально целыми ночами.

Вошли мы в деревню Станки 4-го сентября 1943 года. Это Новоржевский район. С утра начал делать операции. Делал операции в крестьянской избе. В это время к нам попал один военнопленный немец. Он был ранен, мы сделали ему операцию для того, чтобы показать, что партизаны немцев не убивают, сделали операцию с показательной целью. Он был ранен в руки и ноги. С этого времени этот немец остался работать у нас в части санитаром. Этот же самый немец ходил в дальнейшем на задания и его ранили немцы же. Он работал санитаром, вытаскивал с поля боя тяжелораненых. При расформировании госпиталя в 1944 году я его сдал в Гатчино, и его взяли для агитации.

4.09.43 г. В одиннадцать часов над

нашей деревней появился самолет, летел он очень низко, видно было как немецкий летчик смотрел на нас, он оттуда сбросил листовки разного цвета. В листовке было написано: «Партизаны, сдавайтесь, вы окружены 6.000 кадровой армией. Кто сдастся будет пользоваться всеми правами русского солдата, кто не сдастся будет уничтожен».

К часу дня рядом расположенные деревни стали загораться, немец заходил в деревни, нас обтекали в кольцо. Немец находился от нас на расстоянии двух-трех километров.

Герман приходит и говорит, что операции надо приостановить, что очень тяжелая обстановка, раненых нужно посмотреть, часть взять с собой, часть приготовить к полной эвакуации.

Собирает совещание всех командиров, говорит, что мы находимся в тяжелой опасности, деревни кругом горят, осталась почти одна наша деревня, кругом работают немецкие пулеметы, нам нужно во что бы то ни стало пройти. Совещание окончилось в восемь часов вечера, мы двинулись вперед, стали выходить из кольца. Всего нас было около трех тысяч, раненых было 172 человека. У нас остался один небольшой проход для выхода между горящими деревнями.

Прошли мы одну лошадку, идет болото, на горе видна еще деревенька (Житницы), километра четыре до нее осталось. Вдруг из деревни появилась ракета, нас осветила. Герман говорит:

- Здесь немцы, раненых не нужно этой дорогой везти, может быть, раненых провести прямо через болото?

Я говорю: «Ну, что ж!»

Он дает команду раненых повести болотом, а здоровых дорогой... раненые двигались в хвосте, они отвернули в болото, а мы минут через пятнадцать дошли до крестьянских ворот в деревню, осталось метров сорок до деревни.

Вдруг немец бросает ракеты: одну в хвост колонны, одну - в середину, одну - в голову, стали действовать пушки, станковые пулеметы и т.д. Раненые в это время были в болоте, основной огонь они сосредоточили по здоровой колонне. Это был ураганный огонь, все горело, гремело, партизаны вырывались в деревню.¹

Мы пришли в район Славковичей, это было в октябре 1943 года. Тут издали приказ об организации действительного госпиталя. Дали мне штат 173 человека, из них 83 женщины. Сюда входила и охрана госпиталя. Мы расположились в районе Славковичей, деревни Шелешни и Мишкино. Здесь было 317 человек раненых. Мы имели уже 83 конные подводы. От немца мы в это время отошли, стали среди гарнизонов: один немецкий гарнизон находился в 4-х километрах, другой в трех. Тут бригада наша крепко окопалась и мы стояли крепко. Деревня Шелешни полностью была отдана под раненых. Мы установили сильную охрану, потому что сильно стал распространяться шпионаж, факты диверсий обнаруживались.

Я был начальником госпиталя и старшим хирургом. У нас были устроены нары, каждую избу мы превратили в палату, сделали нары, соломы настлали, мешками прикрыли и там лежали больные. Обязательно находилась медсестра. Население нам помогало, ухаживало за больными не считаясь ни с чем.

В этой деревне мы создали почти настоящую базу госпиталя, и с октября месяца мы никуда уже не двигались, всех раненых сюда везли. Раненые у нас стали поправляться, их нужно было куда-то отправлять. И нам в одно прекрасное время дали двадцать самолетов У-2 и мы отправили раненых. Так мы и стояли.

Теперь остановлюсь на работе госпиталя. Днем мы воевали, а ночью работали. Работали мы с коптилками: в блюдце животное сало, фитиль из ваты, один держит блюдце, а другой делает операцию. Сделаешь операцию, а потом весь нос в саже. Инструментарий мы частично получили из советского тыла - нам сбросили на парашюте, частично получали инструментарий при помощи особого отдела, агентуры приносили нам немецкие медикаменты из Пскова, Острова, Порхова, Новоржева, Карамышева.

Первое время, когда у нас было очень плохо с медикаментами, мы раненых перевязывали полотенцами, соломой закрывали, тряпками, а потом нам подбросили медикаменты. На

перевязочный материал мы резали парашюты.

С питанием было плохо, тяжело было с питанием. Тяжелораненым мы старались доставать молоко от крестьян, правда большинство крестьян к нам относилось хорошо, но очень боялись: если немцы узнают, что они оказывают помощь партизанам, то сразу уничтожат эти семьи.

Наш госпиталь закончил свое существование в марте 1944 года... После его расформирования, мы всей бригадой двинулись на Ленинград, в Гатчино.

Всего за время партизанской деятельности было сделано операций около двух с половиной тысяч.

(ПОЦАДПОД, ф.9952, оп.2, д.1, л.118-146.)

№ 6

Радевич Лидия Семеновна - врач 2-й Ленинградской партизанской бригады. «Воспоминания о работе врача»

2.11.1941 г. по приказанию командира 2-й партизанской бригады Васильева Н.Г. приехала ночью в отряд партизан во главе с командиром Дубовым и я отбыла с ним в партизанский отряд, который в то время располагался в Белебелковском районе дер. Глотова. Командир отряда Рачков Н.А. откомандировал в мое распоряжение партизанку Егорову Нюру, с которой вместе проработали все тяжелые дни. В деревне Глотова в избе колхозника Иванова Михаила организовали санчасть. Из больницы были привезены инструменты, медикаменты и белье. Первую сложную операцию пришлось проводить не в благоустроенной операционной, а в деревенской избе и без медперсонала. Нюра умела наложить только повязку. Это было 11.11.41. После одного партизанского боя был тяжело ранен боец Колобенков Иван Петрович. Самой пришлось быть за наркотизатора, за операционную сестру и за врача. Операция была закон-

чена благополучно. Трудов стоило нам с Нюрой выходить такого тяжелого послеоперационного больного. Привезли еще двух раненных тяжело. Это ярко осталось в памяти.

Тяжелый поход был у нас в декабре 1941 г., когда немцы бросили на партизан большие силы. В лесном лагере невозможно было оставаться и вот 3-ое суток шли по топким болотам и наконец, остановились в деревне Сусальница Ашевского района. Дорогой растеряли медикаменты, инструменты, а раненых и обмороженных было много. У одного парнишки были обморожены пальцы обеих ног и без наркоза, с папироской в зубах, ножницами пришлось отрезать пальцы, ибо, уже развилась гангрена. Паренек терпел и напевал от боли песенку. Все обошлось благополучно.

22.02.1942 г. после крупной боевой операции на Дедовичи, поступило много раненых. Мы снова вернулись в Глотова. Обстановка не позволяла развернуть «мой походный госпиталь». На полу, на матрасах, с лучинным освещением, проводились операции, обработки ран. Сутки со своими помощниками не смыкая глаз работали. Немцы узнали наше расположение и в один прекрасный день стервятники налетели на деревню, обстреляли дом, в котором я собиралась оперировать бойца с газовой гангреной. Благодаря политруку Малофееву с несколькими бойцами и усилиями колхозников, было спасено 30 раненых. В деревне Ржаные стоги пришлось ампутировать ногу и отпиливать кость дровяной пилкой...

После Холмской операции бойцы нарядились в трофейные офицерские формы. Среди немцев свирепствовал сыпной тиф, и вот в нашем лагере заболело 40 бойцов. В конце заболела сама. По распоряжению штаба партизанского движения я на самолете была вывезена в Выползово вблизи Валдая. Когда я прибыла в Валдай встретилась со своими партизанами, вышедшими из партизанского края (ввиду его разгрома).

В дальнейшем до освобождения Лен. области была при штабе партизанского движения.

(ПОЦАДПОД. Ф.9952, оп.2, д.41, л.2, 3)

№ 7

**Из воспоминаний
П.Ф. Соловьева -
начальника политотдела
7-й Ленинградской
партизанской бригады**

...В каждой роте, а также в хозвзводах и при штабах отрядов регулярно в декаду один раз выходят боевые листки. После проведенного совещания редакторов и выставки боевых листов по качеству значительно улучшились. Теперь острее и инициативнее становятся вопросы боевой и политической подготовки, подвергаются резкой критике отстающие партизаны, рассказывается о боевых делах передовых партизан. Стали чаще появляться карикатуры на недисциплинированных партизан, а также во многих листках помещаются рисунки, отражающие боевые дела. Выпускались сатирические листки.

Партизаны распевали частушки, слова которых написал Иван Виноградов.

Запрещен навеки к нам
Вход непрошеным гостям

Поворотим, поколотим
И пошел ко всем чертям.

Партизанские отряды
Бьют фашистов из засады

Не проехать, не пройти
Ни дороги, ни пути.

Немцы в Ясках водку пили,
На закуску брали кур

Когда с нами в бой вступили
Потеряли 300 шкур.

Захотели фрицы масла
Шпигу, яиц, молока

Партизаны их поймали
Наломали им бока

Фриц бежал от партизана
Потерял дорогой

У канавы чемодан,
А в канаве - ноги.

Также было популярным и другое стихотворение Ивана Виноградова:

Запоем-ка партизаны!
Запоем-ка партизаны,
Развернем свои баяны

Эх давай-ка
Подпевай-ка
Песню партизаны.

Про места свои родные,
Про леса свои густые,
Про высоты, про болота,
Мшистые поляны.
Как ходили мы в разведку
Рвали рельсы, били метко
Рельсы рвали
Подпевали
Фашистам надавали

Ганса, Фрида иль Карлушу
Все одно берем на мушку

Не промажем, прямо скажем:
Жизни им давали.

Хороши наши бригады
Что ни шаг - кругом засады

Смотрит косо с битым носом
Немец под откосом

Вражей силе спать в могиле
Ждет врага расплата

Будут знать фашистские вояки
Где у нас зимуют раки.

До победы,
Бьем, как деды,
Русские солдаты,

(ПОЦАДПОД. Ф.9952, оп.2, д.32,
л.59-61)

Примечание

1. В этом бою погиб командир 3-й Ленинградской партизанской бригады Александр Викторович Герман.